

Рыбачёнок умело погружает читателя в хитросплетения межгосударственных отношений интересующего её времени, виртуозно полемизируя со своими отечественными и иностранными оппонентами. Однако её общая оценка современной западной историографии (не представляющей, кстати, чего-то идейно целостного) всё же, пожалуй, излишне строга и категорична. По мнению автора, работам последнего времени не хватает концептуальной новизны, в них лишь повторяются «старые клише», а действия России, которую «необоснованно» упрекают «в безудержной экспансии по всем азимутам», по-прежнему оцениваются «негативно и необъективно» (с. 8). Между тем ныне зарубежные коллеги всё чаще видят в Российской империи не извечного «дестабилизатора» миропорядка и постоянную угрозу окружавшим её странам, а один из решающих и креативных факторов международных отношений. Говоря же о российских территориальных притязаниях, сама И.С. Рыбачёнок, анализируя взгляды русских государственных и военных деятелей, признаёт, что они, пусть и ссылаясь на необходимость противодействия экспансионизму Германии, Англии или Японии, мечтали о захвате черноморских проливов (исходя из сформулированного ещё кн. А.М. Горчаковым взгляда на Балканский полуостров как на «зону жизненных интересов России»), размышляли о русском военно-колониальном форпосте на северо-восточном побережье Африки (близ Баб-эль-Мандебского пролива), призывали к проведению наступательной политики на Среднем Востоке ради «прорыва» к Персидскому заливу и даже не исключали оккупацию Россией Персии и Афганистана, планировали аннексию Маньчжурии и, наконец, просчитывали геополитические последствия превращения Кореи в русский протекторат с устройством на полуострове военно-морской базы для своего «стратегического упрочения на берегах Восточного океана» (с. 512).

Эти планы, которые парадоксальным образом уживались с господствовавшим представлением о том, что границы России уже достигли своих «естественных очертаний», так и остались на бумаге в виде, как пишет автор монографии, «туманных вождедений». Стараясь действовать на основе договоров и в рамках норм международного права, Россия в рассматриваемое в книге время открыто не посягала на чей-либо суверенитет и не прибегала к агрессии. Однако сам факт превращения зоны черноморских проливов, Китая и Кореи в «перекрёстное геополитическое поле» (с. 28, 40), за контроль над которым Петербург был готов вступить в схватку с другими великими державами, свидетельствует о вполне определённых и вовсе не «туманных» российских намерениях и аппетитах. Поэтому не следует упрекать современных зарубежных исследователей за выпячивание экспансионизма России, возражение вызывает скорее их стремление затушевывать схожие черты в политике её соперниц – других великих держав. Одним из следствий глобализации межгосударственных отношений, показанной в книге И.С. Рыбачёнок, стали и вооружённые катаклизмы мирового масштаба, потрясшие человечество в прошедшем столетии.

Игорь Лукаюнов: Узлы российской дипломатии

Монография доктора исторических наук И.С. Рыбачёнок – автора серии книг, статей и документальных публикаций по истории внешней политики России конца XIX – начала XX в. – как бы венчает её многолетние исследования, обобщая и одновременно дополняя их новыми материалами, важными для понимания международных отношений той эпохи. Нельзя не отметить широкую эрудицию исследовательницы, впервые выявившей и проанализиро-

вавшей большое количество документов АВП РИ. При этом И.С. Рыбачёнок опирается как на самостоятельные изыскания, так и на многочисленные труды предшественников, хотя о степени изученности тех или иных сюжетов автор монографии пишет, к сожалению, лишь изредка.

Несмотря на то, что тема книги невольно подталкивала к общим рассуждениям, И.С. Рыбачёнок, прочно опираясь на изученные ею источники, удержалась в рамках дипломатической истории, не склонившись, например, к геополитике или модной ныне империологии и т.п. Однако, как признаёт исследовательница, внешняя политика России периода поздней империи, конечно же, не сводилась только к действиям МИД. Ведь невозможно представить международные отношения начала XX в. без экономической деятельности во всех её аспектах. Россию этот процесс захватил в меньшей степени по сравнению с другими великими державами, но появление у министра финансов С.Ю. Витте собственной внешнеполитической программы было отнюдь не случайным. Тем не менее в книге экономика и международные отношения увязываются лишь эпизодически. Напротив, влияние на внешнюю политику Военного и Морского министерств в монографии даже несколько преувеличено. К примеру, голос моряков учитывался редко, несмотря на то, что они зачастую имели собственные представления о целях и задачах международной деятельности.

В первом разделе книги И.С. Рыбачёнок распутывает идейный «узел», рассматривая различные сочинения и записки современников о положении России в мире. Особенно важным представляется анализ доклада военного министра А.Н. Куропаткина «О задачах русской армии в XX веке» (1900), который уже давно заслуживал самого пристального внимания исследователей (с. 47–50). Изученные И.С. Рыбачёнок аналитические материалы, служившие для монарха независимым от МИД источником информации о международных делах, действительно влияли на выработку внешнеполитического курса самодержавия сильнее, чем «общественное мнение», которому нередко вообще не придавалось существенного значения. Вместе с тем вряд ли следовало объединять в один ряд записки крупных сановников, рядовых дипломатов, мелких чиновников и учёных, не учитывая уровень самой работы и служебное положение её автора. Так, записка поручика кн. А.М. Волконского о дальневосточной политике России имела значение лишь постольку, поскольку ею воспользовался в своих целях вел. кн. Александр Михайлович (с. 35–36). Широкий разброс мнений, представленных в записках (с. 51), наглядно свидетельствует о том, что даже среди государственных деятелей отсутствовало единое понимание роли и задач международной политики. В то же время большинство авторов исходило из того, что цели России могут быть достигнуты преимущественно благодаря военной и морской мощи империи, но не с помощью дипломатических средств. Это характерно для всей внешней политики державы и является её традиционной слабостью.

Кстати, стоило бы упомянуть не только о «записках-рекомендациях», но и о позднейших ретроспективных оценках, данных, например, П.Н. Дурново и бароном Р.Р. Розеном¹⁶. Общественное мнение представлено в книге неожиданно

---

¹⁶ Записка П.Н. Дурново. Париж, [б.г.]; *Розен Р.Р.* Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г., в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщённый правительству в октябре того же 1912 г. Пг., 1917. Записка Р.Р. Розена по сохранившейся рукописи была вновь опубликована И.С. Рыбачёнок (Источник. 1997. № 6. С. 32–56).

и весьма выразительно – в виде карикатур, сопровождающихся комментариями и свидетельствующими о том, что и пресса, и обыватель (как в России, так и за её пределами) вполне грамотно разбирались в международной обстановке, умея оценить и достижения, и промахи.

Структура книги вполне логична. Автор выделяет шесть направлений («узлов») внешней политики России, среди которых, правда, почему-то указано и африканское: всё же двух-трёх геополитических точек, по удачному выражению самой И.С. Рыбачёнок (с. 40–41), на континенте недостаточно для «узла». Да и внимание Петербурга к Персии не было столь уж значительным. Это были территории, где Россия имела некоторые (по большей части косвенные) интересы. Экономическое же проникновение туда являлось в глазах Петербурга хотя и желаемой, но слишком неопределённой целью. Разговоры о трансперсидской железной дороге никогда не опирались на какие-либо внятные расчёты, а Русско-Персидский банк был фиктивной организацией, полностью контролируемой Министерством финансов. Возможно, следовало бы расширить «персидский узел», проследив действия России в близлежащих регионах (Тибет, Индия). Между тем среди «узлов» не оказалось отношений с САСШ, которые к рубежу XIX–XX вв. имели уже важное значение (эмиграция, политика «открытых дверей» в Китае, интерес к финансовому рынку и др.).

Конечно, подробнее всего в книге говорится про «европейский узел» (с. 61–154), про союз с Францией и сохранение баланса в контактах с Германией. Не забыта и Италия, хотя в русско-итальянских отношениях не просматриваются ни важные общие интересы, ни острые разногласия, поэтому внимание к ним оправданно лишь в контексте изменения расстановки сил в Европе и участия Петербурга в этих сложных комбинациях. Взаимодействие с Австро-Венгрией справедливо вписано в «балканский узел». Другие европейские государства не играли в политике России такой существенной роли, за исключением одного, самого маленького – Ватикана. Контакты Петербурга с апостольским престолом, осложнявшиеся проблемой Польши, и в целом конфессиональную сферу международных отношений начала XX в. нельзя игнорировать.

Военно-политический союз с Парижем, по справедливому мнению И.С. Рыбачёнок, не означал близости в других сферах и отсутствия противоречий. В монографии по большей части речь идёт о военной конвенции, заключённой «определённо в пользу Франции» (с. 92). О финансовых аспектах альянса сказано гораздо меньше, что вряд ли отражает реальное состояние русско-французских отношений. В историографии нет полной ясности в том, насколько значимы при заключении союза были денежные мотивы. А.З. Манфред, к мнению которого явно склоняется И.С. Рыбачёнок, придавал больший вес политическим факторам, Р. Жиро – финансовым. Так или иначе, планы и шаги Петербурга по «освоению» французского денежного рынка изучены недостаточно, поскольку до последнего времени необходимые документы оставались в России недоступными для исследователей.

В книге нет самостоятельного очерка об отношениях России и Англии, но о вражде и соперничестве двух держав говорится в каждой главе. Автор не раз указывает на агрессивную позицию Лондона. Характерные для рубежа XIX–XX вв. обвинения туманного Альбиона в нечестности, ярко отразились в 1901 г. в резолюции Николая II, написавшего, что он пальцем не пошевелит для достижения соглашения с Англией (с. 281). Однако без тщательного анализа британской политики подобное поведение царя может показаться ирраци-

ональным. Между тем англо-русские отношения не получили пока глубокого исследования.

Освещая ряд интересных деталей германской политики России 1904–1905 гг. со всеми противоречивыми порывами Петербурга, И.С. Рыбачёнок ещё раз подтвердила неискренность мемуаров С.Ю. Витте, по сути дезавуировав его рассказ о том, как он якобы боролся против соглашения в Бьёрке (с. 150–151). В целом И.С. Рыбачёнок отмечает стремление России балансировать между Францией и Германией, одновременно дистанцируясь и от Германии, и от Англии (с. 127). Но определяя международное положение державы, помимо дипломатических, нельзя забывать и о других факторах: о плотной привязке Петербурга к французской бирже, о значительных двусторонних экономических интересах и династических связях Германии и России.

«Балканский узел» для России на рубеже столетий несколько утратил былое значение (с. 157–234). Свою роль здесь сыграло соглашение 1897 г. с Веной, по точной оценке И.С. Рыбачёнок, связавшее на время Австро-Венгрии руки. Характерным проявлением «славянского единства» стало поведение «единственного друга России» кн. Николая Черногорского, постоянно просившего у Петербурга денег, но при первом удобном случае (во время Русско-японской войны) начавшего заигрывать с Веной (с. 182). Автор пишет о двух линиях российской политики на Балканах – осторожной (В.Н. Ламздорф) и авантюристической (А.П. Извольский, П.А. Капнист, Н.В. Чарыков) (с. 233). Но были ли это линии или же расхождения во мнениях? Имели ли российские дипломаты возможность не только высказывать своё мнение, но и проводить свой курс? И как это сказывалось на цельности внешней политики?

«Турецкий узел» рассматривается в монографии в тесной связи с проблемой проливов и планами их захвата для обеспечения безопасности черноморского побережья России (с. 237–318). В частности, И.С. Рыбачёнок аргументированно оправдывает решение Особого совещания 1896 г., отклонившего проект высадки десанта на Босфор (с. 262–263). Вместе с тем неожиданно много внимания автор уделяет деятельности военно-морского агента в Константинополе (с. 239–251), а также прокладке телеграфного кабеля по дну Чёрного моря (с. 300–317).

Африканскому континенту, пожалуй, впервые придаётся самостоятельное значение во внешней политике Российской империи (с. 321–388). Всё же Россия, как признаёт И.С. Рыбачёнок, не имела там прямых интересов и не играла активной роли (с. 387). Внимание Петербурга привлекали лишь Эфиопия, Марокко (Гибралтар) и Англо-бурская война, ставшая серьёзной проблемой для Лондона. В экспедиции Н.И. Ашинова И.С. Рыбачёнок видит исключительно попытку создать на берегу Красного моря угольную станцию (с. 346–347), игнорируя явные намерения Александра III и К.П. Победоносцева основать там настоящую русскую колонию. Именно такой тип колониализма (переселение русских как средство закрепления территории) практиковался в Средней Азии. Другие миссии в Эфиопию (Н.С. Машков, В.Ф. Леонтьев) исследовательница не связывает ни с капиталом, ни с видами правительства. Экономические связи с Абиссинией носили ничтожный характер (с. 354–355), а для российской политики Африка оставалась периферией, где обозначалось присутствие и решались локальные задачи.

Англо-русская борьба за железнодорожные концессии в Персии (с. 391–474), вероятно, наиболее выразительно показывает, как от «чистой диплома-

тии» тянутся ниточки к магистралям, банкам, экономике. Не случайно здесь проявляется «многоведомственность» в самом широком смысле, включая участие и родственника царя, и журналиста (С.Ю. Витте, вел. кн. Александр Михайлович, С.Н. Сыромятников). Но свидетельствовало это и о неспособности МИД решать новые сложные задачи, выходящие за пределы собственно дипломатической практики. И.С. Рыбачёнок справедливо пишет о том, что в Персии Россия проиграла Англии (с. 474), и это поражение было прежде всего крахом завышенных ожиданий и амбиций. То же самое, но в больших размерах, имело место и на Дальнем Востоке, и параллелей здесь множество, даже помимо отмеченной автором связи англо-русских переговоров по Маньчжурии и Персии (с. 464–468).

Главной внешнеполитической проблемой для России на рубеже XIX–XX вв. являлся «дальневосточный узел» (с. 477–565). Автор монографии по сути оправдывает действия Петербурга, хотя факты свидетельствуют о том, что на Дальнем Востоке Россия (и прежде всего С.Ю. Витте, до 1898 г. фактически определявший её политику в регионе) преследовала явно нереализуемые цели, пытаясь вместо укрепления своих рубежей и обеспечения интересов в Северном Китае экономически завоевать большую часть Срединной империи, включая её центр и даже юг. В неудаче англо-русских переговоров 1898–1899 гг. И.С. Рыбачёнок винит Англию, всегда хитрившую и ничего не уступавшую (с. 484–485). Но российские государственные мужи вели себя ничуть не лучше. С.Ю. Витте стремился не решить спорные вопросы, а заключить какое-нибудь формальное соглашение с туманным Альбионом, чтобы, сохраняя возможности для экономической экспансии в центральные области Китая, облегчить России выход на лондонский финансовый рынок. Это была недалёковидная политика, не учитывавшая отсутствие необходимых ресурсов и неизбежное сопротивление столь широким замыслам со стороны других держав, особенно Англии, САСШ и Японии.

Политику России в Корею И.С. Рыбачёнок оценивает как экспансионистскую (с. 14). Это вполне соответствует господствующей в Южной Корею историографической тенденции, отразившейся, в частности, и в цитируемой ею книге Чой Доккю о деятельности в королевстве морского и финансового ведомств России перед Русско-японской войной (с. 506–509). Но почему тогда во время пребывания короля в Русской миссии в 1896–1897 гг. С.Ю. Витте проявлял поразительное равнодушие к возможности установить контроль за экономикой Кореи? Стоило же королю вернуться во дворец 8(20) февраля 1897 г., как активность министра финансов резко усилилась. Объяснить такую «экспансию» можно лишь тем, что Корея не являлась целью русской политики в регионе (что хорошо подтверждается документами), а интерес к ней был связан исключительно с поиском незамерзающей гавани как конечного пункта КВЖД. Получив от Китая категорический отказ, С.Ю. Витте обратил своё внимание на Корею. Когда же Россия заняла гавани Ляодунского полуострова и вопрос о порте отпал, активность Министерства финансов в Корею моментально сошла на нет¹⁷. Моряков Корея интересовала постоянно, поскольку они желали приобрести на её побережье место для стоянки и угольного склада (зимовать им хотелось в Китае).

Излагая дальневосточную политику России, И.С. Рыбачёнок во многом следует за работами и оценками Б.А. Романова. Так, вслед за ним она отвергает тезис о «двух политиках» России на Дальнем Востоке (с. 505–506), сближая

---

¹⁷ Подробнее см.: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. М., 2004; Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004.

тем самым безобразовцев и С.Ю. Витте, хотя такое заключение Б.А. Романова частично противоречит приведённому им же материалу. Для министра финансов экономические средства долгое время являлись сутью его курса, тогда как для безобразовцев они всегда были лишь фикцией, прикрытием. Некоторое их сближение наметилось к 1903 г., когда С.Ю. Витте фактически отказался от экономических рычагов, уповая на соглашения, но весной–летом 1903 г. безобразовцы взяли верх, и двойственность политики исчезла сама собой. Но и в 1903 г. их позиции существенно расходились: С.Ю. Витте отверг планы любой экспансии даже в Северном Китае, обоснованно предлагая сосредоточиться на охранении достигнутых результатов, безобразовцы же настаивали на ведении в Корею активной политики с использованием своего псевдочастного лесного товарищества. Для понимания действий Петербурга в регионе необходимо внимательно изучить позиции МИД, а также военного и морского ведомств. По сравнению с Б.А. Романовым И.С. Рыбачёнок лишь усилила голос дипломатов в том межведомственном концерте, который так и не смог достичь единства курса России на Дальнем Востоке. В результате вместо связной мелодии в том числе и по вине С.Ю. Витте прозвучала какофония, что и явилось главной причиной вооружённого конфликта с Японией.

При освещении русско-японских отношений (о которых, кстати, в книге сказано сравнительно мало) И.С. Рыбачёнок придерживается устоявшегося в советской историографии представления о воинственной политике Японии в регионе и её стремлении к вооружённому конфликту. Например, визит в Петербург Х. Ито в конце 1901 г. воспринимается автором всего лишь как ширма для настоящих переговоров, которые велись японцами в Лондоне (с. 515). Однако верно ли, что англо-японское соглашение 30 января 1902 г. чуть ли не автоматически вело к Русско-японской войне? Разумеется, оно стало важным фактором будущего конфликта, но утверждать, что Лондон сразу же сделал ставку именно на вооружённое вытеснение России из Маньчжурии, не приходится, так как Англия не была уверена в победе Японии. После русской оккупации Северного Китая и выявившегося нежелания России выводить свои войска (договор об эвакуации был подписан 26 марта (8 апреля) 1902 г. – уже после англо-японского соглашения) Лондон искал сторонников «нейтрализации» Маньчжурии, а не войны. Да и для Страны восходящего солнца война требовала колоссальных жертв и финансовых затрат. Кстати, сам ход последних русско-японских переговоров 1903–1904 гг. (с. 526–535) никак не подтверждает мнение о том, что они служили лишь прикрытием для агрессии. Стороны решили многие вопросы, разногласия остались лишь по Корею, и тут Николай II был готов уступить. Поэтому нет достаточных оснований утверждать, будто Токио выдвигал совершенно неприемлемые для Петербурга условия. Отчасти ответственность за неудачу ложится и на российских политиков, не сумевших диверсифицировать интересы и чётко сформулировать собственную позицию, что, разумеется, не оправдывает вероломное нападение Японии.

В чрезмерно кратком заключении (с. 566–569) автор вполне справедливо пишет о межведомственной борьбе по вопросам внешней политики, результатом которой становилось отсутствие должной координации действий. При такой постановке дела нельзя было предотвратить появление Н.И. Ашинова, безобразовцев и т.п. В итоге Россия не смогла достичь желаемых целей и потерпела унизительную неудачу на Дальнем Востоке. Но она переживала и более трудные времена. Например, поражение в Крымской войне 1853–1856 гг.

было ещё более тяжким, тем не менее за ним последовали Великие реформы и расширение границ империи. Возможно, различие ситуаций состояло в том, что наряду с высоким профессионализмом российских дипломатов, по мнению автора, даже превосходивших своих коллег в европейских странах (с. 567), сам МИД нуждался в серьёзной внутренней реформе, поскольку его устройство очевидно не соответствовало требованиям усложняющихся международных отношений XX в. Наверное, следует даже говорить о кризисе дипломатического ведомства, который так и не удалось преодолеть до 1917 г.

В целом же нельзя не признать, что эта книга написана не зря. По широте своей проблематики и источниковой базы, обилию архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в оборот, наконец, по аргументированности оценок она занимает видное место среди современных исследований. Такие обобщающие работы по внешней политике России должны появляться каждые 15–20 лет, чтобы проводить ревизию состояния отечественной историографии и выявлять нерешённые проблемы. Несомненно, многие из них после ознакомления с монографией И.С. Рыбачёнок становятся яснее.

Антон Лошаков: Даже способный министр бывает бессилён

Как совершенно справедливо отмечает И.С. Рыбачёнок, на рубеже XIX–XX вв., несмотря на возросшую роль экономических и военных факторов, дипломатическое искусство сохранило своё значение, а роль личности в сфере дипломатии оставалась весьма важной, так как успех во многом зависел от умения находить оригинальные решения сложных задач и достигать компромисса (с. 7). Не случайно одной из центральных фигур в её новой монографии является гр. В.Н. Ламздорф, занимавший в 1900–1906 гг. пост министра иностранных дел. В отечественной историографии гр. Ламздорф явно недооценён. Б.А. Романов видел в нём лишь заурядного бюрократа с «полным отсутствием вкуса к инициативе»¹⁸, Е.Ю. Сергеев называет его «ведущим дипломатическим экспертом»¹⁹. Между тем И.С. Рыбачёнок убедительно показывает, что гр. Ламздорф был не только первоклассным экспертом в международных делах, но и эффективным практиком – посредником, организатором и участником переговорного процесса²⁰.

Все, кто лично знал В.Н. Ламздорфа, отмечали его незаурядный ум и феноменальную память. Историки часто цитируют слова С.Ю. Витте, назвавшего Ламздорфа «ходячим архивом» МИД²¹. Опубликованные дневники графа (тогда ещё только советника министра) не позволяют усомниться в верности этой оценки²². Граф Ламздорф был чрезвычайно осторожным дипломатом и политиком, избиравшим максимально взвешенный подход при принятии любого решения. Поддерживая расширение и укрепление влияния России по всему миру, он

¹⁸ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907). М.; Л., 1947. С. 97.

¹⁹ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 204.

²⁰ Ирина Сергеевна не в первый раз освещает дипломатическую деятельность гр. Ламздорфа. Ранее она детально описала его решающий вклад в умиротворение Македонии и всего Балканского региона (*Рыбачёнок И.С. Последний бастион*. В.Н. Ламздорф и Мюршштегское соглашение // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 282–299).

²¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 2010. С. 482.

²² Ламздорф В.Н. Дневник 1886–1890. М.; Л., 1926; *он же*. Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934; *он же*. Дневник 1894–1896. М., 1991.